

УДК 821

Сравнительный анализ образов королей Сигурда и Зигфрида в древнеисландском и древнегерманском эпосе

Орехова Оксана Евгеньевна

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра немецкого языка,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: frauox@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению героических подвигов героя поэтических сборников древнеисландских саг IX-XII веков Сигурда и короля Зигфрида из древнегерманского эпического произведения «Песнь о Нибелунгах». Сюжеты древнегерманского эпоса подсказаны событиями Великого переселения народов. Автор исследует биографию вышеуказанных персонажей, их жизненный путь через призму литературных источников и показывает различные варианты легенд о Сигурде и Зигфриде, отражающих этапы ее формирования в устной традиции на фоне меняющихся культурных и социальных условий. Обширный сравнительный материал позволяет показать характер взаимодействия каждого эпического персонажа с их возлюбленными. Также автор показывает, как сюжетные архетипы, основной комплекс которых связан с Зигфридом и Сигурдом, влияют на поведение героев. Особое внимание уделено теме рыцарства, которая сполна раскрывается в эпосе «Песнь о Нибелунгах» и лишь упоминается в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде». Аналогичная ситуация складывается и с мифологическим содержанием древнеисландских саг – юношеские подвиги Сигурда, которые очень напоминают сказку, не находят свое отображение в германском эпосе. Анализируя тему любви, автор статьи раскрывает как положительные, так и отрицательные черты характеров Зигфрида и Сигурда. В статье приводятся примеры отличия героя древнегерманского эпоса от образа Сигурда.

Для цитирования в научных исследованиях

Орехова О.Е. Сравнительный анализ образов королей Сигурда и Зигфрида в древнеисландском и древнегерманском эпосе // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 233-243.

Ключевые слова

Исландская сага, германский эпос, легенда, скандинавская мифология, Зигфрид, Сигурд, Нибелунги.

Введение

«Песнь о Нибелунгах», написанная в самом начале XIII столетия, впервые была опубликована швейцарским филологом и поэтом И.-Я. Бодмером в середине XVIII века и с тех пор стала объектом пристального изучения. Немецкие романтики А.-В. Шлегель и братья Гримм сравнивали ее с «Илиадой», видя в эпосе торжество народного духа.

Особое внимание историки и филологи уделяют процессу становления песни; самая известная работа из этой области – «Сказание и Песнь о Нибелунгах», написанная в 1921 году, – принадлежит Андреасу Хойслеру. Однако непосредственно финальный эпический текст часто остается в стороне.

Что касается исландских саг, то героический образ Сигурда (др.-исл. Sigurdur, от sigr – «победа») и его подвиги воспевают песни «Старшей Эдды» («Пророчество Грипира», «Речи Регина», «Речи Фафнира», «Речи Сигдривы»), о его гибели рассказывается в «Отрывке песни о Сигурде», «Первой песни о Гудрун», «Краткой песни о Сигурде», «Поездке Брюнхильд в хель» («Старшая Эдда»), а также повествуется о Сигурде в «Младшей Эдде», «Саге о Вёльсунгах», «Саге о Тидреке» и скандинавских средневековых балладах. «Старшая и младшая Эдда» – поэтический сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии и истории, сохранившиеся в древнеисландской рукописи второй половины XIII века, авторство которой некоторыми исследователями приписывается Сэмунду Мудрому.

В настоящей статье исследуются образы королей Зигфрида и Сигурда из вышеупомянутых литературных источников.

**Архетипный комплекс в сюжетной и образной системы
древнего героического эпоса**

«Песнь о Нибелунгах» – рыцарская эпопея: все ее герои принадлежат к аристократической верхушке общества. Центральным героем первой части поэмы является Зигфрид, сын нидерландского короля Зигмунда и королевы Зиглинды. Первый слог всех трех имен – зиг (sig) – означает «победа».

Стоит сразу отметить, что для древнеисландского и древнегерманского эпоса не характерно использование эпитафий, хотя некоторые сказания «Старшей Эдды» все-таки предваряются литературными эпитафиями. С научной точки зрения это очень дальновидно, так как «помимо того, что все литературные эпитафии имплицитно связаны с текстом, иногда связь может быть эксплицитной» [Беляева, 2016, 11].

Биографию Зигфрида до прибытия героя в Вормс бургундский двор узнает от вассала Хагена. Тот рассказывает, как Зигфрид помогал великанам-нибелунгам делить клад, но убил их и сам стал владельцем сокровищ. Также известно о его победе над драконом и купании в его крови, что сделало героя неуязвимым. Эти подробности жизни Зигфрида восходят к скандинавской мифологии, однако там Сигурд – сирота, воспитанный в лесу то ли колдуном, то ли карликом, за победу над драконом он получает дар понимать язык птиц, а также спасает Сигдриву («дарующая победу») – валькирию, которую бог Один наказал за слушание долгим сном и неизбежным замужеством (валькирии были девами-воительницами, жили на небесах и не выходили замуж). Автор «Сказания о Нибелунгах» приписывает Зигфриду уже королевское происхождение, стремясь приблизить его образ к рыцарской действительности.

Скандинавские и немецкие эпические произведения дают разные варианты легенды о Сигурде, отражающие этапы ее формирования в устной традиции в меняющихся культурных и социальных условиях. Между отдельными версиями существуют противоречия, в эдических песнях налицо пробел, восстанавливаемый по другим памятникам.

«Сага о Вёльсунгах» (исл. *Völsunga saga*) – исландская сага XIII века. Самая известная из «Саг о древних временах», рассказывающих о легендарной истории Скандинавии в терминах общегерманских мифов на основе эпической поэзии. Описывает возникновение и упадок рода Вёльсунгов (Сигмунда и Сигурда), включая историю Брюнхильды и уничтожение бургундского дома. Сага о Вёльсунгах повторяет сюжетные события, встречающиеся в «Старшей Эдде», но, в отличие от Старшей Эдды, события здесь выстроены в единое сюжетное повествование. Самое известное изложение части сюжета саги о Вёльсунгах – Песнь о Нибелунгах, написанная на средневерхненемецком языке до саги о Вёльсунгах (найденные рукописи относятся к XIII веку). В Песни о Нибелунгах использованы другие имена героев: так, вместо Сигмунда – Зигмунд, вместо Сигурда – Зигфрид.

Значительное влияние «Саги о Вёльсунгах» видно в тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга». Сюжет древней саги оказал существенное влияние на «оперный» сюжет о проклятом кольце. Характерной для мифологического героя является уже неясность происхождения Сигурда. В большинстве версий он назван сыном Сигмунда, сына Вёльсунга (по англосаксонскому эпосу «Беовульф», именно Сигмунд назван убийцей дракона – подвиг, который в более поздних вариантах легенды приписывается Сигурду), имя же Вёльси – одно из имен Одина. Но в «Речах Фафнира» Сигурд на вопрос поверженного им чудовища, чей он сын, отвечает: «Я зверь благородный, был я всю жизнь сыном без матери; нет и отца, как у людей, всегда одинок я». Правда, затем он признается, что его отец Сигмунд, однако, как показал Е.М. Мелетинский, исследовавший обширный сравнительный материал, в заявлении Сигурда о своем одиночестве и безродности допустимо видеть реликт представлений о богатыре-родоначальнике, «первом человеке» [Мелетинский, 1968] (о Сигурде-найденыше, приплывшем по волнам в стеклянном сосуде, повествует и «Сага о Тидреке»). С этим согла-

суется и главный подвиг Сигурда – умерщвление дракона Фафнира, который можно трактовать как акт культурного героя, одолевающего силы хаоса. О. Хёфлер связывает сказание о Сигурде с культовыми новогодними играми, известными у разных народов мира, и в борьбе Сигурда с драконом видит героико-мифический символ исторического события – битвы германцев во главе с Арминием против римлян в Тевтобургском лесу.

Прежде чем убить Фафнира, Сигурд воспитывался у сказочного колдуна-кузнеца Регина, брата дракона (тема, типичная для архаического эпоса), и Регин выковал ему меч Грам, которым Сигурд рассек его наковальню. Регин подстрекает Сигурда убить Фафнира, зарясь на клад, которым тот обладал¹. Когда кровь Фафнира попала Сигурду на язык, ему стали понятны речи птиц и от них он узнал о замысле Регина умертвить его, после чего Сигурд убивает и Регина, добывает сокровища Фафнира из его логова и едет на вершину Хиндарфьялль, где лежит окруженная огненными щитами и усыпленная Одином валькирия Сигрдрива, наказанная Одином за то, что даровала победу в битве не тому, кому он предназначил. Пробудив валькирию, Сигурд получает от нее мудрые советы и обручается с нею.

Некоторые исследователи «Песни о нибелунгах» склонны отождествлять Сигрдриву с Брюнхильдой, исландской королевой-воительницей. Доказательством справедливости подобного отождествления является факт, отмеченный Жирмунским во вступительной статье к работе Хойслера «Германский героический эпос и сказание о нибелунгах»: по законам сказочного построения сюжета (ведь Зигфрид больше сказочный, нежели эпический образ) одним из главных событий в жизни героя является спасение девушки и обручение с ней [Жирмунский, 1962, 132]. В случае с Зигфридом эта девушка – Брюнхильда, которую герой спасает ото сна, обручается с ней и покидает ради свершения воинских подвигов. При дворе бургундов Зигфриду преподносят напиток забвения, благодаря чему он обручается уже с Кримхильдой, а Брюнхильда становится женой Гунтера. Этого толкования придерживается Рихард Вагнер в своей музыкальной тетралогии «Кольцо нибелунга» (1848-1874). Однако если принимать во внимание куртуазную *höheminne* («высшую любовь»; о роли и значении любви в рыцарской жизни будет сказано далее), то Зигфрид должен быть влюблен в Кримхильду еще до их встречи, до своего прибытия к бургундам. Это подтверждает и текст «Песни»: в строфе 49 Зигфрид высказывает намерение вступить в брак с Кримхильдой, которую даже еще не видел. Все это противоречит истории с напитком забвения.

Тем не менее, с Брюнхильдой Зигфрида объединяет нечто большее, чем одно художественное пространство-время. Норвежский драматург Генрих Ибсен в пьесе «Воители в Хельгеланде», в основу которой легли «Старшая Эдда» и «Сага о Вёлсунгах», развивает идею, что Зигфрид (в пьесе Сигурд) и Брюнхильда (Йордис) являются идеальным вопло-

1 Этот клад достался Фафниру после убийства им собственного отца Хрейдмара, а последний получил его от асов в качестве выкупа за убитого ими сына Хрейдмара. Асы же добыли эти сокровища у карлика Андвари, причем тот наложил на золото проклятье: оно погубит всякого, кто будет им владеть; таким образом, магическое средство изобилия – сокровища карликов и богов – превращается в роковое богатство, приносящее несчастье его обладателям.

щением женского и мужского начал и имеют общую природу происхождения, хотя «интерференция родной культуры значительно осложняет коммуникацию» [Khosainova, 2014, 176]. Последнее замечание особенно важно, поскольку ставим ли мы знак равенства между Брюнхильдой и Сигдривой или не ставим, отрицать сказочные корни образов Брюнхильды и Зигфрида невозможно. Они изначально не принадлежат к этому новому рыцарскому обществу, придя в эпос из древних скандинавских сказаний и мифов. Поэтому, как было сказано во введении, «Песнь о нибелунгах» не стоит считать достоверным отображением воинского мира средневековья.

Целесообразно говорить о сюжетных архетипах, основной комплекс которых связан с Зигфридом. К архетипам относятся ранее упомянутые сказания о драконе, роговой оболочке и кладе нибелунгов. Зигфрид является обладателем волшебных предметов – меча Бальмуга и плаща-невидимки, который приходит на смену оборотничеству, фигурирующему, например, в «Саге о Вёльсунгах». К архетипическим относится и мотив сватовства, причем имеется в виду сватовство Гунтера к Брюнхильде, а не Зигфрида к бургундской королевне Кримхильде. Здесь решающую роль играет подмена, и хотя в средневековом эпосе Зигфрид уже не может превратиться в Гунтера, он все равно находит способ обмануть Брюнхильду. В поединке исландской королевы с Зигфридом выражено одно из древнейших противостояний мужчины и женщины. Через архетипы возможно объяснение и гибели Зигфрида: ему просто нет места при дворе феодального Гунтера, как нет места в исторической действительности для сказочного богатыря.

Вследствие лакуны в тексте «Старшей Эдды» следующий подвиг Сигурда – его сватовство к Брюнхильд по поручению короля бургундов Гуннара – известен лишь из более поздних версий («Сага о Вёльсунгах», «Песнь о нибелунгах»), в которых этот сюжет более или менее переработан. В «Саге о Вёльсунгах» Сигдрива уже отождествлена с Брюнхильд. Хотя Сигурд и Брюнхильд обменялись клятвами верности, он забывает о ней после того, как Гримхильд, мать Гудрун и других Гьёкунгов (правлящего рода бургундов) – Гуннара, Хёгни и Готторма, к которым приехал Сигурд², дала ему испить напиток забвения; Сигурд женится на Гудрун и заключает побратимство с Гуннаром и Хёгни. Гуннар сватается к Брюнхильд, но так как та дала клятву выйти замуж только за того, кто одолеет окружающий ее чертог огненный вал, а на подобный подвиг оказывается способным лишь Сигурд, то Сигурд на время испытания меняется обличьем с Гуннаром и проезжает через огненный вал. Он проводит у Брюнхильд три ночи, положив между нею и собой обнаженный отравленный меч.

После свадьбы Гуннара с Брюнхильд Сигурд вспоминает о клятвах, которыми он с нею обменялся. Во время спора между Гудрун и Брюнхильд о том, чей муж более могуч, обман, связанный со сватовством, открывается (Гудрун показывает Брюнхильд ее перстень, полученный от Сигурда), и разгневанная Брюнхильд требует от Гуннара убить Сигурда как на-

2 Время, когда легенда о Сигурд была объединена с легендой о бургундах и тем самым мифический герой был введен в круг исторических или квазиисторических персонажей, неизвестно.

рушителя обетов (в «Песни о нибелунгах» эта ссора переосмысливается в категориях вассальной зависимости – Зигфрид изображен вассалом Гунтера=Гуннара). Подстрекаемый женой, честь которой оскорблена, Гуннар решается на убийство Сигурда. Хёгни пытается удержать его от этого шага³, и этот замысел исполняет Готторм, не связанный с Сигурдом клятвой побратимства. Сигурд убит, по одной скандинавской версии, в лесу, по другой – в постели, по третьей – на альтинге (народном собрании).

Согласно «Песни о Нибелунгах», его убивают в лесу во время охоты. Ф.Р. Шрёдер считает изначальным мотивом сказания о гибели Сигурда миф об убийстве сына бога демоном, принявшим образ вепря (по некоторым версиям эпоса, Сигурд был убит во время охоты на вепря и убийцы по возвращении домой утверждали, что его умертвил вепрь). В «Песни о Нибелунгах» мотивировка убийства Зигфрида усложняется: требование Брюнхильд – не решающая его причина; Зигфрид, продемонстрировавший своими подвигами превосходство над Гунтером (к тому же и сам Зигфрид здесь – нидерландский принц), представляет угрозу для власти бургундов, и Хаген – вассал Гунтера устраняет его.

Показательно, что юношеские подвиги Сигурда (борьба с драконом, а также добывание клада и плаща-невидимки) не изображены в «Песни о Нибелунгах», но лишь упоминаются в рассказе Хагена при появлении героя при бургундском дворе – сказочное и мифологическое содержание, видимо, представлялось немецкому поэту начала XIII века не вполне уместным в рыцарском эпосе.

Несмотря на сказочное происхождение, попавший в рыцарский мир Зигфрид обязан, хотя бы частично, подчиняться куртуазным законам. Рыцарь несовершенен до тех пор, пока не испытает любви. Любовь является одновременно и духовной привязанностью, и физической страстью. В любом случае, как утверждает Гуревич в статье «Средневековая литература и ее современное восприятие», любовь – это служение рыцаря даме, добровольное подчинение ей [Гуревич, 2014, 517].

Интересно, что Зигфрид на протяжении повествования играет несколько ролей. По происхождению он король, но дважды примеряет на себя маску вассала. Впервые это происходит во время сватовства Гунтера к Брюнхильде, когда Зигфрид убеждает бургундского короля, что лучше притвориться, будто король тут один – Гунтер, а остальные прибывшие – его верные слуги. Очевидно, такое предложение должно было способствовать успеху сватовства: ведь если бы Брюнхильда поняла, что к ней пожаловал прославленный нидерландский король, а в жены ее желает взять какой-то другой человек, герои едва ли вернулись бы из Исландии.

По замечанию Хойслера, обман по отношению к незнакомой женщине не ощущался современниками как нечто позорное, так как моральные обстоятельства со стороны Зигфрида существовали лишь в отношении названного брата [Хойслер, 1960, 56]. Зигфрид знает, какая награда ждет его, если он добудет для Гунтера Брюнхильду, поэтому, конечно, готов и

3 В «Песни о нибелунгах» Хаген (Хёгни) - убийца Зигфрида.

обмануть, и обхитрить, причем не единожды. Женщину, в которую он не влюблен, Зигфрид ни во что не ставит. Любопытно отметить, что отчасти именно из-за решения Зигфрида называть себя вассалом ссорятся впоследствии королевы Брюнхильда и Кримхильда. Поэтому, желая помочь новому другу в надежде получить за это в жены его сестру, Зигфрид косвенно способствует своей гибели.

Второй раз, когда Зигфрид становится вассалом, – это его любовь к Кримхильде. Как было отмечено выше, влюбленный рыцарь видит в своей даме госпожу и подчиняется ей. Это уже не притворная зависимость, как в случае с Гунтером. Средневековый автор, впрочем, не уделяет большого внимания описанию чувств героев; они любят друг друга – и это принимается как данность, потому что так нужно для дальнейшего развития сюжета.

Несмотря на всю храбрость, смелость и благородство, Зигфридом движет и гордыня. Именно это и погубит его. Помощь Гунтеру после унижительных событий его первой брачной ночи похвальна, но желание похвастаться в очередном подвиге жене, к тому же подарив ей украденные у Брюнхильды кольцо и пояс, не красит Зигфрида в глазах современного читателя. В средневековье, очевидно, образ Зигфрида воспринимался по-иному и был воистину идеальным: «он выдерживает высшее испытание героизма, а затем и испытание верности другу и гибнет как рыцарь без страха и упрека» [Бучилина, 2013, 207].

В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид погибает не как сказочный персонаж, а как эпический, ведь в новой действительности нет места для всемогущих героев из древних мифов. Зигфрид все же принадлежит царству сказки, а не двору феодального короля Гунтера – возможно, именно этим объясняется его ранняя гибель.

Смертью Зигфрида в «Песни о Нибелунгах» не заканчивается литературная жизнь этого персонажа. Немецкий драматург XIX века Фридрих Геббель в своей трагедии «Нибелунги» раскрывает внутренний психологический потенциал героев древнего эпоса. Зигфрид у Геббеля уже не просто идеальный рыцарь: он становится личностью с твердыми убеждениями. Главный внутренний конфликт геббелевского героя – поступать по личной воле или согласно долгу – разрешается в пользу желаний сердца человеческого. Зигфрид отдает предпочтение миру людей, а не сказочному и суровому краю Брюнхильды; несмотря на то что он, как и Брюнхильда, ближе к язычеству, Зигфрид Геббеля выбирает христианство и любовь как одну из главных христианских добродетелей.

Более того, следует заметить, что межличностное общение Зигфрида и Брюнхильды было несколько затруднено из-за языкового барьера. Даже учитывая тот факт, что нидерландское наречие и древнеисландский язык относятся к одной языковой группе, понять устную речь друг друга было непросто, ведь, говоря научным языком, «личностные качества говорящего находятся в тесной связи и взаимозависимости с уровнем владения иностранным языком и степенью сформированности иноязычной социокультурной компетенции» [Базина, 2016, 9] Впрочем, герои саг и сказаний, похоже, в совершенстве владели «стратегической компетенцией, т. е. способностью компенсировать вербальными и невербальными

средствами недостатки во владении языком» [Орехова, 2013, 72]. Немецкий драматург Фридрих Геббель, работая над трагедией, писал в своих дневниках о «Песни о Нибелунгах»: «...для этого поразительного материала примечательно, что, если только не упускать из виду огромного масштаба действия в целом, все мотивировки оказываются вполне человеческими» [Геббель, 1978, 343].

Заключение

Скандинавские источники, очень богатые по содержанию и представляющие широко развитую, детально разработанную систему, все сравнительно позднего происхождения: ни одна из песен «Старшей Эдды» не восходит ко времени более древнему, чем IX век. Эпоха викингов (IX–X вв.), обозначающая собою перелом в культурной жизни Севера вообще, произвела глубокий переворот и в религиозной жизни скандинавских народностей, широко раскрыв доступ к ним воздействию извне. Психологизм героев средневекового германского героического эпоса значительно углубляется по сравнению с более древними сказаниями и мифами. К сожалению, ни у скандинавских саг, ни у древнегерманских легенд нет литературных эпиграфов, предворяющих все произведение и задающее тон, заставляющее поразмышлять о сути идеи повествования. Исследователь И. Тимакова отмечает, что «Первичная функция эпиграфа – остановить читателя, заставить его задуматься, таким образом, способствовать чтению произведения уже под углом зрения его автора» [Тимакова, 2003, 179], однако данные виды сказаний содержат сами по себе настолько интересную информацию, что не нуждаются в определенном поле фоновых знаний.

Можно сказать, что образ Зигфрида сложно считать полноценным изображением средневекового рыцаря и короля – слишком сильно проявляется в нем сказочное начало. Тем не менее, этот персонаж важен для дальнейшего анализа эпических характеров, так как многие из них в первой части «Песни о Нибелунгах» раскрываются во многом через отношения и взаимодействие с Зигфридом. Герои перестают быть статичными, их характеры приобретают способность меняться с течением времени.

Библиография

1. Базина Н.В. Социокультурные аспекты профессиональной языковой подготовки специалиста-международника // Иностранные языки в школе. 2016. № 8. С. 6-10.
2. Беляева И.Г. Особенности перевода эпиграфических текстов // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. М.: РУДН, 2016. С. 10-12.
3. Бучилина Ю.Н. Психологическая интерпретация героических образов сказания о нибелунгах в произведениях Ф. Геббеля и Г. Ибсена // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 2. С. 203-210.

4. Бучилина Ю.Н. Архетипическая основа «Песни о нибелунгах» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 4. С. 183-186.
5. Вагнер Р. Кольцо нибелунга: цикл из четырех эпических опер. 1848-1874.
6. Геббель Ф. Нибелунги // Геббель Ф. Избранное: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1978. 672 с.
7. Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Песнь о нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. 608 с.
8. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. 437 с.
9. Ибсен Г. Воители в Хельгеланде // Ибсен Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1956. 730 с.
10. Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука. 1968. 367 с.
11. Орехова О.Е. Формирование языковых компетенций у студентов факультета журналистики МГИМО // Иностранные языки: теория и практика. № 1. 2013. С. 71-75.
12. Тимакова И.Г. Эпиграф и его культурологические функции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 471. 2003. С. 177-185.
13. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Вступ. ст. В.М. Жирмунского. М.: Иностранная литература, 1960. 488 с.
14. Юнг К. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. 723 с.
15. Khosainova O.S. Dialogue of cultures and worldview // Science, Technology and Higher Education. Westwood, Canada. 2014. P. 176-177.
16. Gentry F.G., McConnell W., Müller U., Wunderlich W. (ed.) The Nibelungen tradition: an encyclopedia. N.Y.: Routledge, 2002. 377 p.

Comparative analysis of the images of Kings Sigurd and Siegfried in the Old Norse and Germanic epics

Oksana E. Orekhova

PhD in History, Associate professor,
department of German language,

Moscow state institute of international relations,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;

e-mail: frauox@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the comparison of the heroic exploits of the hero at the poetry collections of Old Norse sagas of the 9th-12th centuries: Sigurd and King Siegfried from the German-

ic epic *The Song of the Nibelungs* (about 1225). Icelandic sagas can be traced back to both oral and literary sources. The plots of the Germanic epic are inspired by the events of the Migration Period. The author explores the biography of the above characters through the prism of literary sources, and shows different versions of the legends about Sigurd and Siegfried, reflecting the stages of their formation in the oral tradition amid the changing social and cultural conditions. The extensive comparative material makes it possible to show the nature of each epic character's interaction with their beloved ones. The author also shows how narrative archetypes, the main complex of which is associated with Siegfried and Sigurd, influence the behavior of the characters. The study pays special attention to the theme of chivalry, which is fully revealed in the chivalric epic *The Song of the Nibelungs* and is mentioned only in passing in *The Poetic Edda* and *The Prose Edda*. The same is true for the mythological content of the Old Norse sagas – young Sigurd's feats that resemble a fairy tale are not reflected in the German epic. When revealing the theme of love, the author of the paper shows both positive and negative traits of the characters of Siegfried and Sigurd. The paper provides the examples of situations when the hero of the Germanic epic obeys the equestrian laws, shows how many times and in what situations he becomes a vassal and what distinguishes him from the image of Sigurd.

For citation

Orekhova O.E. (2017) Sravnitel'nyi analiz obrazov korolei Sigurda i Zigfrida v drevneislandskom i drevnegermanskom epose [Comparative analysis of the images of Kings Sigurd and Siegfried in the Old Norse and Germanic epics]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 233-243.

Keywords

Icelandic saga, Germanic epic, legend, Norse mythology, Siegfried, Sigurd, Nibelungs.

References

1. Bazina N.V. (2016) Sotsiokul'turnye aspekty professional'noi yazykovoi podgotovki spetsialista-mezhdunarodnika [Sociocultural aspects of the international specialist's professional language training]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 8, pp. 6-10.
2. Belyaeva I.G. (2016) Osobennosti perevoda epigraficheskikh tekstov [Peculiarities of the translation of epigraphic texts]. In: *Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku i perevodu v vuze* [Vocationally oriented instruction in a foreign language and translation in a university]. Moscow: RUDN University, pp. 10-12.
3. Buchilina Yu.N. (2007) Arkhetipicheskaya osnova "Pesni o nibelungakh" [The archetypal basis of the "Song of the Nibelungs"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod], 4, pp. 183-186.

4. Buchilina Yu.N. (2013) Psikhologicheskaya interpretatsiya geroicheskikh obrazov skazaniya o nibelungakh v proizvedeniyakh F. Gebbelya i G. Ibsena [Psychological interpretation of the heroic images of the tale of the Nibelungs in the works of F. Hebbel and H. Ibsen] *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian humanitarian journal], 2 (2), pp. 203-210.
5. Gentry F.G. et al. (eds) (2002) *The Nibelungen tradition: an encyclopedia*. N.Y.: Routledge.
6. Gurevich A.Ya. (2014) Srednevekovyi geroicheskii epos germanskikh narodov [Medieval heroic epic of the Germanic peoples]. In: *Beovulf. Pesn' o nibelungakh* [Beowulf. A song about the Nibelungs]. Moscow: Eksmo Publ.
7. Hebbel Ch.F. (1861) *Die Nibelungen* (Russ. ed.: Hebbel Ch.F. (1978) Nibelungi. In: Hebbel Ch.F. *Izbrannoe*: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ.).
8. Ibsen H. (1857) *Hærmændene paa Helgeland* (Russ. ed.: Ibsen H. (1956) Voiteli v Khel'ge-lande. In: Ibsen G. *Sobranie sochinenii*: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ.).
9. Jung C.G. (1921) *Psychologische Typen*. Rascher Verlag (Russ. ed.: Jung C.G. (2001) *Psikhologicheskie tipy*. Saint Petersburg.: Azbuka Publ.).
10. Khoisler A. (1960) *Germanskii geroicheskii epos i skazanie o Nibelungakh* [Germanic heroic epic and a tale of the Nibelungs]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ.
11. Khosainova O.S. (2014) Dialogue of cultures and worldview. In: *Science, technology and higher education*. Westwood, Canada, pp. 176-177.
12. Meletinskii E.M. (1968) *Edda i rannie formy eposa* [Edda and the early forms of the epic]. Moscow: Nauka Publ.
13. Orekhova O.E. (2013) Formirovanie yazykovykh kompetentsii u studentov fakul'teta zhurnalistiki MGIMO [Formation of language competencies for journalist students of Moscow state institute of international relations]. *Inostrannye yazyki: teoriya i praktika* [Foreign languages: theory and practice], 1, pp. 71-75.
14. Timakova I.G. (2003) Epigraf i ego kul'turologicheskie funktsii [Epigraph and its culturological functions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow state linguistic university], 471, pp. 177-185.
15. Wagner R. (1848-1874) *Der Ring des Nibelungen*: a cycle of four epic operas.
16. Zhirmunskii V.M. (1962) *Narodnyi geroicheskii epos* [People's heroic epic]. Moscow; Leningrad.